

ОТРАЖЕНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ДОБРЕ И ЗЛЕ В РУССКИХ
ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ

А.В. Кандыбина, магистрант
Волгоградский государственный университет
(Россия, г. Волгоград)

DOI:10.24412/2500-1000-2023-6-4-42-44

Аннотация. Данная статья посвящена анализу семантического наполнения фразеологических единиц русского языка. Рассмотрены фразеологизмы, репрезентирующие отношения к добру и злу как базовым категориям морали. Выявлены основные зооморфные образы, формирующие смысловую нагрузку фразеологизмов. В ходе исследования были описаны типичные черты оценки и восприятия представителями русского этноса поступков человека с позиции добра и зла.

Ключевые слова: фразеологизм, добро/зло, лингвокультурология, русский язык, зооморфный образ.

Лингвокультурологический аспект изучения языковых единиц приобретает особую значимость в условиях активного развития механизмов межкультурной коммуникации. Носители разных языков одновременно являются представителями различных этносов, обладающих самобытностью и культурной уникальностью. По утверждению М.В. Миловановой, «возникновение языковых конфликтов является отражением напряженности не столько между языками, сколько между носителями языков, принадлежащими к различным этническим и социальным группам и, соответственно, стоящими за ними социальными, политическими и экономическими интересами» [1]. Это подтверждает мысль о том, что система ценностей и идеалов, принятая в обществе и закрепившаяся в сознании того или иного народа, определенным образом эксплицируется в языке.

Каждый представитель этноса наряду с индивидуальными аксиологическими установками «встраивает» в когнитивную структуру традиционные, общенародные представления о мире. В связи с этим любая ситуация внеречевой действительности вызывает реакцию, которая часто детерминируется типичными взглядами, закрепленными в общественном сознании. Неслучайно устойчивые языковые образования фиксируют в своем семантическом составе своеобразные модели поведения, активизирующиеся в типичных жизнен-

ных обстоятельствах. В данном отношении фразеологизмы, являющиеся «важными элементами когнитивной базы носителей языка», представляют особый интерес для исследователей [2].

Фразеологические единицы служат неким «помощником» в речевой практике, поскольку выражают быструю и точную оценку экстралингвистических фактов и выполняют функцию клишированных фраз. Говорящему удобнее охарактеризовать определенное событие или поступок через общеизвестное образное выражение, чем пытаться в короткий срок сформулировать собственное мнение. В этом отношении семантическое наполнение фразеологизма способствует формированию специфического образа, закрепленного в сознании носителей языка в виде цельной «картинки».

Безусловно, невозможно выразить обобщенное мнение носителей того или иного языка без опоры на особенности национального менталитета. Обращаясь к рассматриваемой проблеме, У.И. Копжасарова, Б.А. Бейсенбаева, А.Т. Кикимова замечают, что «средством воплощения культурно-национальной специфики является образное основание, внутренняя форма фразеологизма, образная гештальт-структура (часто включающая в себя культурно-маркированные компоненты, обозначающие культурные реалии)» [3]. Идея взаимосвязи фразеоло-

гического фонда языка и культурно-этнической базы позволяет говорить об актуальности исследований, связанных с выявлением типичных представлений о мироустройстве в семантике фразеологизмов.

Отношение к добру и злу как универсальным нормативно-оценочным категориям базируется на духовно-нравственных ценностях. Общество всегда соотносит поступки и действия человека с требованиями и нормами морали: «этически ценным (добрым) поступком является поступок того, кто предпочел добро злу» [4]. В силу своей универсальности понятия о добре и зле обязательно находят отражения в устойчивых языковых единицах: пословицах, поговорках, фразеологизмах, приметах и т.д.

В фразеологическом фонде русского языка выражения, транслирующие представления о добре и злом, обладают спецификой, поскольку репрезентируют особенности менталитета русского этноса. Типичные элементы бытовой жизни становятся основой для создания семантического наполнения фразеологизма. Особое распространение получают зооморфные образы, которые могут быть связаны либо с конкретным наименованием животного, либо с определенной отличительной чертой живого существа. Такие примеры, как *Змея подколодная*; *Пригреть змею на груди* является показательными с точки зрения центрального образа, который строится на ассоциативной связи. Змея в сознании людей всегда связана с хитростью, коварством и злом. Однако в данном случае рассматриваемое пресмыкающееся соотносится не столько с животным миром, сколько с христианскими воззрениями о змее как символе зла и участнике грехопадения. Это находит отражение в семантике фразеологизма, которая представляет собой некую комбинацию глубинных смыслов, закрепленных в сознании носителей языка. Лексема *змея* как обособленная единица не несет в себе никакой культурно-маркированной информации, но, встраиваясь в состав фразеологизма, становится смыслообразующим компонентом, в котором фиксируется культурный код этноса.

Особый интерес представляют фразеологические единицы, в составе которых закреплены лексемы, обозначающие части тела живых существ: *Брать (взять) за жабры*; *Снять шкуру*; *Подрезать крылья*; *Скрутить в бараний рог*. Первые три примера репрезентируют ситуации, которые могут происходить в действительности, где субъектом действия является человек, а объектом животное, которое испытывает на себе физическое воздействие. Если в прямом значении такие поступки расцениваются как вполне типичные, то в переносном смысле они олицетворяют агрессию, злость, притеснение. Это говорит о том, что зло наносит человеку эмоционально-психологическую травму, суть которой наиболее точно передается через параллельное рассмотрение с физической болью. Фразеологизм же *Скрутить в бараний рог* не детерминируется реальной ситуацией, а основывается на знаниях о форме костного выроста на голове различных животных. В данном случае акцентируется внимание на спиралевидном облике рогов барана, поскольку именно словосочетание *бараний рог* формирует конкретность образа. Стоит подчеркнуть, что общее значение рассматриваемого фразеологизма совпадает с трактовкой фразеологических единиц, представленных выше.

Зло может выражаться не только активными действиями и проявляться сразу, но и приобретать черты пассивности, быть «завуалированным». Например, фразеологизмы *Медвежья услуга*; *Мышиная возня* содержат элемент значения «ненужные, мелочные дела, влекущие за собой какие-то негативные последствия». Такая семантика создается благодаря прилагательным, образованным от существительных, обозначающих живых существ: *медведь*, *мышь*. Подобные адъективы обычно обозначают повадки животных, что позволяет говорить об их смыслообразующей функции. В основе фразеологизма *Мышиная возня* лежат представления о мышах как проворных, суетливых, ловких существах, которые могут быстро ориентироваться в любых условиях и при этом приносить вред другим. Для русского человека подобная лишняя «возня» в обществе оцени-

вается отрицательно, в качестве символа недобрых побуждений. Кроме того, отношение к животному может объясняться культурно-историческим развитием народа. Так, медведь в дохристианские времена являлся тотемным животным, что повлияло на формирование стереотипов о неуклюжести, дикости, неуместности, которые определяют семантическое наполнение фразеологизма *Медвежья услуга*.

Обычно добрый поступок оценивается как норма поведения, поэтому не нуждается в «консервации» при помощи образной системы. Однако искренняя душевная доброта всё-таки фиксируется в семантике фразеологизма *Мухи не обидеть*. Следует заметить, что здесь лексема *муха* передает отношение к насекомому как надоедливому существу, которое обычно уничтожа-

ют. Фразеологизм построен на некоторой парадоксальности: добрый человек жалеет даже тех, кто приносит дискомфорт.

Анализ исследуемого материала показал, что представления о добре менее активно отражаются в фразеологических единицах с зооморфным образом, поскольку традиционно в сознании людей животное воспринимается как нечто представляющее опасность, а значит, ассоциирующееся с недобрыми поступками, злом. Удалось установить, что нередко фразеологизм в семантической структуре хранит мифологические или религиозные символы (*змея, медведь*). Стандартные ситуации и поступки внеречевой действительности метафорически переосмысливаются и становятся базой для «конструирования» семантики фразеологических единиц.

Библиографический список

1. Милованова, М.В. Пути и способы улучшения экологии русского языка в полиэтничном регионе // *Власть*. – 2012. – № 7. – С. 45-48.
2. Беспалова, Е.А. Фразеологизмы мифологического происхождения с компонентом-прецедентным именем: особенности строения и употребления (на примере газетных текстов) // *Вестник ТомГУ*. – 2021. – № 69. – С. 29-46.
3. Копжасарова, У.И. Фразеологический фонд языка как средство выражения ментальности народа // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания*. – 2013. – № 1. – С. 90-97.
4. Валеева, Г.В. Категории добро и зло: проблема теодицеи // *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. – 2012. – № 1. – С. 239-247.

REFLECTION OF IDEAS ABOUT GOOD AND EVIL IN RUSSIAN PHRASEOLOGICAL UNITS

A.V. Kandybina, *Graduate Student*
Volgograd State University
 (Russia, Volgograd)

Abstract. *This article is devoted to the analysis of semantic content of phraseological units of the Russian language. Phraseological units representing attitudes to good and evil as basic categories of morality are considered. The main zoomorphic images forming the semantic load of phraseological units are revealed. The study described typical features of the assessment and perception of human actions by representatives of the Russian ethnic group from the position of good and evil.*

Keywords: *phraseology, good/evil, linguoculturology, Russian language, zoomorphic image.*